

ИСТОРИЯ

А.Ф.Кофман

Эрнан Кортес. Первое послание-реляция императору. Испанцы на острове Косумель

Перевод с комментариями

Вниманию читателя предлагается первая публикация на русском языке первого письма Эрнана Кортеса императору Карлу V со вступлением, комментариями и примечаниями переводчика (в двух статьях). Во вступлении рассмотрена особая ситуация появления данного письма. Формальный генерал-капитан экспедиции в Мексику, губернатор Кубы Диего Веласкес в последний момент решил заменить главнокомандующего; Кортес, назначенный им ранее, отказался подчиниться приказу и самовольно покинул Кубу во главе экспедиции, тем самым поставив себя вне закона. Эти обстоятельства определили жанровую специфику письма: оно создано в форме коллективного отчета о начальном этапе экспедиции и прошения утвердить Кортеса на посту генерал-капитана — таким было решение, принятое демократическим путем солдатами и капитанами. Специфика жанра позволяет Кортесу выставить себя в наиболее выгодном свете, преуменьшать заслуги предшественника, Хуана де Грихальвы, открывшего Мексику, и всячески очернять Веласкеса. В представленном в первой статье фрагменте письма рассказано о предшествующих экспедициях в Мексиканский залив и описано пребывание испанцев на о. Косумель, где им удалось раздобыть толмача, испанца, который несколько лет жил как пленник на Юкатане и овладел языком майя.

Ключевые слова: Фернандо Кортес, Диего Веласкес, Грихальва, Юкатан, Косумель.

DOI: 10.31857/S0044748X0018838-0

Статья поступила в редакцию 24.11.2021.

ВСТУПЛЕНИЕ. ПРЕВРАТНОСТИ ЖАНРА

Завоеватель Мексики Эрнан Кортес написал пять посланий-реляций императору Карлу V, которые в совокупности составляют объемный

Андрей Федорович Кофман — доктор филологических наук, зав. Отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени, заместитель директора ИМЛИ по научной работе. ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН (РФ, 121069 Москва, ул. Поварская, д. 25 а, <https://orcid.org/0000-0002-3799-9343>, andrey.kofman@gmail.com).

том. Из них только второе послание, самое насыщенное захватывающими и драматическими событиями, было почти полностью опубликовано в блестящем переводе Е.М.Лысенко [1, сс. 271-368]. Данная публикация содержит перевод и комментарии первого послания-реляции Кортеса, где описан начальный этап экспедиции в Мексику.

Первое письмо Кортеса императору написано в весьма своеобразном жанре. Его особенности обусловлены той необычной ситуацией, в какой оказался Кортес. Поэтому, прежде чем говорить о самом письме, необходимо кратко обрисовать эту ситуацию.

Историю открытия Мексики Кортес подробно изложил в своем первом письме, и мы не будем повторяться. Получив обнадеживающие известия о богатствах Мексики, губернатор Кубы Диего Веласкес не поскупился на снаряжение второй экспедиции: в Мексику на 11 кораблях отправлялись около 900 человек, из них 570 — профессиональных воинов. Во главе экспедиции Веласкес поставил Эрнана Кортеса; но в последний момент он передумал из-за опасения, что тот от него «отложится», приказал ему сдать полномочия и назначил другого генерал-капитана.

Кортес воистину оказался перед роковым выбором. Надо понимать, что формально полномочным главнокомандующим экспедиции был Веласкес, который от своего имени запрашивал у колониальных властей разрешение на экспедицию и получил это решение на свое имя. При этом Кортес оставался не более чем исполнителем, и Веласкес имел полное право в любой момент снять подчиненного с поста, а в случае неповиновения казнить его. Этим правом пользовались почти все генерал-капитаны для поддержания дисциплины в отряде, и сам Кортес им не пренебрегал. Веласкес приказал ему сдать полномочия, и не подчиниться его приказу означало поставить себя вне закона, в положение преступника, заранее осужденного на казнь. Итак — подчиниться? Сохранить жизнь, но отказаться от мечты о славе и богатстве? Встать на путь, ведущий в Историю, и свернуть с него в чащу неизвестности по прихоти вздорного старика? Предоставит ли судьба еще один такой шанс? А вложенное в экспедицию состояние — кто его вернет?

Тогда — рискнуть? Но какова была степень риска? Действительно, при каких условиях Кортес сможет сохранить себе жизнь? А вот при каких. Если новооткрытая страна окажется действительно богатой. Если солдаты не взбунтуются и не заставят его повернуть назад, а вероятность этого высока — ведь отныне ослушник Кортес лишен легитимности; и как бы он ни лез из кожи вон, законный статус главнокомандующего и губернатора теперь он сможет получить только от короля. Если он завоюет эту богатую страну, но он даже не знает, какие силы встанут на его пути. Если он отошлет императору богатейшие дары, и тот примет его подношения. Наконец, если у Кортеса найдутся весомые защитники при дворе, которые склонят монаршее мнение в его пользу. А это тоже не просто — ведь президент Королевского Совета по делам Индий Хуан Родригес де Фонсека приходится дальним родственником Веласкесу, и можно представить себе, какую они начнут травлю бунтовщика! Ставить на кон при всех этих условиях — не просто рискованная, а смертельная игра.

Отныне, бросив жребий, Кортес становится заложником своего решения, пешкой в им же затеянной игре. Его выбор фатально предопределил многие другие его поступки. Никто не посмеет упрекнуть его в трусости: свою отчаянную смелость он являл многократно, кидаясь в битву во главе войска. И все же его храбрость, его фантастическая целеустремленность в немалой степени стали следствием его экзистенциального выбора: ведь повернуть назад для него было равносильно смерти, и потому его упорное и, подчас, безрассудное продвижение вперед имело роковую неизбежность.

Открытия, завоевания, богатства — все это еще даже не просматривается в плотной пелене будущего. А пока Кортесу надо сделать первый шаг на долгом и многотрудном пути к богатству и славе. Надо совершить то, что и означает «отложиться» (alzarse), а если говорить точнее, из положения исполнителя, связанного по рукам и ногам инструкциями деспотичного губернатора, надо возвыситься и стать полноценным генерал-капитаном. Но не сам же Кортес объявит себя главнокомандующим! Избави Бог, такого самоуправства ему не простит никто — ни сторонники Веласкеса здесь под боком, ни король в далекой Испании. Пусть его облекут властью солдаты и капитаны подавляющим большинством голосов, а он «будет вынужден» подчиниться их воле. И они же, солдаты и капитаны, напишут королю письмо, в котором расскажут о величайших достоинствах Кортеса и о том, как и почему они выбрали его себе в командиры.

Так и рождается первое письмо Кортеса императору, известное как «Послание кабилльо» [2, р. 197-202], письмо, можно сказать, перенасыщенное прагматикой, призванное решить сразу множество задач и успешно их решающее. В этом отношении данный документ представляет собой настоящий шедевр дипломатии.

Первая и главная цель письма — облечь Кортеса званием генерал-капитана согласно воле большинства, зафиксировать эту волю на бумаге и довести свершившееся до сведения императора. Письмо выполняет роль документа, удостоверяющего выбор солдат и капитанов, а документ — это не напрасное сказанное слово. Конечно, Кортес не столь наивен, чтобы верить, будто эта бумага откроет ему ворота в рай, и все же — какой-никакой, а первый шаг к легитимности...

Главная задача письма определяет и главную особенность его жанра: у него коллективный автор, нерасчлененное «мы», взывающее к вниманию императора. И это «мы» звучало настолько убедительно, что при публикациях писем Кортеса, это послание поначалу не фигурировало. Трудно, однако, предположить, что это письмо сочинялось действительно коллективно, в жанре послания казаков турецкому султану. Конечно же, у него был вполне определенный автор, и понятно кто, благо он оставил истории еще четыре послания-реляции, и единство стиля всех этих текстов неоспоримо. Мало того, в одном месте первого письма (оно будет отмечено для читателя) Кортес, увлекшись, на минуту забыл про «мы» и ляпнул горделивое «я». Наконец, во втором послании Кортес несколько раз ссылается на первое, используя при этом форму от первого лица («о чем я уже сообщал Вашему Величеству в первой реляции» и т.п.), так что авторство первой реляции неоспоримо.

Другая задача письма — всячески восхвалить свою особу. И здесь автор получает мощный, почти неограниченный ресурс за счет коллективного авторства. Тут необходимо разъяснение. В текстах конкистадоров мы никогда не найдем открыто хвалебных самооценок. Говорить о своем мужестве, о своей доблести считалось недопустимо, непристойно — о нем пусть скажут другие; и конкистадор всячески стремится обезопасить себя от упреков в хвастовстве. Поэтому, бывает, в реляциях автор пере-скакивает с рассказа от первого лица на третье лицо, называя себя по имени. Это происходит в тех случаях, когда пишущий сообщает о своем достойном памяти деянии [см. например, 3., с. 319-320].

В избранном жанре Кортес оказывается не скованным этой установкой и потому спокойно может прибегать к открытому восхвалению. К его чести надо сказать, что он не злоупотребляет этим риторическим приемом и держит себя в рамках приличий — лишь время от времени подчеркивая, что умеет командовать людьми и может написать толковую реляцию обо всем, что открыл и увидел. Между прочим, он отнюдь не врал: как показали дальнейшие события, главнокомандующим он оказался преотменным и толковую реляцию мог написать лучше, чем большинство из его подчиненных. Гораздо чаще Кортес прибегает к косвенному восхвалению, когда подчеркивает свои выгодные отличия от генерал-капитанов предшествующих двух экспедиций, особенно от Хуана де Грихальвы: мол, сравните, что не сделал один, и что сделал другой. И здесь, надо признать, он также не сильно грешит против истины.

Наконец, третья, и очень важная цель его письма — очернить Веласкеса, главного своего супостата. Здесь уже речь идет о жизни и смерти, ибо нет сомнения: если Кортес вернется на Кубу, его ждет плаха за ослушание. У Веласкеса, как уже говорилось, имеется мощная поддержка при императорском дворе, и Кортес прилагает всевозможные усилия к тому, чтобы ослабить его позиции. Но делает он это не напролом, а с изрядным дипломатическим чутьем. Пусть читатель держит в голове хитросплетение задач письма, и тогда он получит удовольствие от его чтения.

ЭРНАН КОРТЕС

Письмо, посланное королеве донье Хуане и сыну ее императору Карлу V властями города Вилья-Рика-де-ла-Веракрус 10 июля 1519 года

Высокороднейшие, могущественнейшие, сиятельнейшие великие католические короли и властители! Мы полагаем, Вашим Величествам уже ведомо из посланий Диего Веласкеса, губернатора острова Фернандина¹, о том, что пару лет тому назад в здешних краях была открыта земля, поначалу названная Косумель, а позже именем Юкатан, хотя ни то, ни другое названия нисколько не отвечали их туземным именам, в чем Ваши Величества смогут убедиться из нашей реляции, каковая выгодно отличается от предшествующих реляций, ибо все, что сообщалось в них о богатствах сей зем-

¹ Первоначальное испанское название острова Куба в честь короля Фердинанда Арагонского.

ли и о том, как она была открыта и о прочих вещах, с нею связанных, не было и не могло быть правдою, поскольку никто об этом толком не ведал, в отличие от нас, кто пишет Вам обо всем со знанием дела.

И посему, дабы Ваши Величества получили полное представление о той земле, мы расскажем с начала и по порядку о том, что она собою представляет, что за люди ее населяют и ею владеют, каковы их образ жизни, обряды, церемонии и законы ими установленные, расскажем также о том, какую пользу может принести та земля, и тем самым сослужим Вашим Величествам добрую службу. Итак, вот о чем сообщается в нашей верной и правдивой реляции.

Так знайте же, сиятельные властители, что года два тому назад, может, чуть раньше или позже, три жителя острова Фернандина, одного из коих звали Франсиско Фернандес де Кордова, другого — Лопе Очоа де Сайседо, а третьего — Кристобаль Моранте, сговорились меж собою, как повелось в здешних краях, заселенных испанцами, отправиться от имени Ваших Величеств на туземные земли, еще не покоренные испанцами, дабы взять себе сколько-то индейцев в услужение.

Участник той экспедиции, Берналь Диас дель Кастильо, оставивший о ней подробный рассказ, скрыл истинную цель экспедиции Франсиско Эрнандеса де Кордовы, заявив, что доблестные кабальеро ринулись в неведомые края, движимые исключительно первопроходческой страстью. [4, сар. I] Правдолюбец Берналь здесь кривит душой, потому что дело происходило после принятия так называемых Законов Бургоса в декабре 1512 г., составивших основу колониального законодательства. Законы Бургоса четко сформулировали, что индейцы — свободные люди, их нельзя обращать в рабство, за исключением тех, кто препятствует миссионерской деятельности, но и к рабам следует относиться «с любовью и нежностью». [5, р. 238] Свободных индейцев нельзя обменивать и продавать, запрещено не только подвергать их телесным наказаниям, но даже словесно их оскорблять. Поэтому выходило, что все участники экспедиции Кордовы нарушали закон. И зачем Берналю писать такое про себя?

А вот Кортесу этот маневр совершенно ни к чему, благо он в той экспедиции не участвовал, и на его репутации пятна не останется. Напротив, он заинтересован дискредитировать предшественников и потому выкладывает правду. Хотя он не использует слово «раб» и обходится словосочетанием *para seservir dellos*, всем, в том числе королевским чиновникам понятно, что именно этот эвфемизм означает.

Сказанные сеньоры снарядили две каравеллы и бригантину и направили их к туземным землям, чтобы привезти оттуда индейцев на упомянутый остров Фернандина, и полагаем, хотя и не знаем наверное, что Диего Веласкес на четверть оплатил снаряжение той флотилии. Ее капитаном был назначен Франсиско Фернандес де Кордова, а кормчим он взял Антона де Аламиноса родом из Палоса; этот Антон де Аламинос взят кормчим и в нашу экспедицию, дабы через него Ваши Величества получили достоверные сведения о нашем маршруте и местонахождении. Следуя избранным курсом, корабли достигли оконечности земли, названной Юкатан; тот мыс расположен в шестидесяти или семидесяти лигах от острова Фернандина, равно как от богатой земли Веракрус, где мы нынче пребываем от имени Ваших Величеств.

На том мысе находится селение под названием Кампоче, вождя коего испанцы прозвали Ласаро и подарили ему два короба с золотистыми тканями, но, несмотря на это, индейцы воспротивились пускать испанцев на свою землю и в селение, и посему испанцы пустились в море; они прошли вдоль побережья десять лиг, пока не завидели другое селение, оно называлось Ма-чокобон и правил им касик Чампото²; там индейцы встретили их с миром, но в селение свое войти не позволили, и той ночью испанцы заночевали на берегу вблизи кораблей. А наутро туземцы набросились на христиан да с такой яростью, что умертвили двадцать шесть человек, а всех остальных изранили; кто остался в живых, бежали на корабли и отчалили³.

В том бою погибло более четверти состава экспедиции, остальные все получили ранения, и сам Франсиско Фернандес де Кордова получил более трех десятков ранений и пребывал между жизнью и смертью, и при таком повороте дел он решил вернуться на остров Фернандина; а там его люди дали знать Диего Веласкесу, что они нашли землю богатую золотом, благо своими глазами видели золотые украшения туземцев, у кого в ушах, у кого в ноздрях, у кого на других частях тела, и также они поведали губернатору, что туземцы тамошней земли строят каменные дома, и много еще чего рассказали ему о богатствах той земли и о разумном распорядке жизни ее обитателей, и всячески призывали его послать туда корабли, чтобы выменивать золото, коего там вдоволь.

Прознав о том, Диего Веласкес, движимый, скорее, алчностью, нежели каким-то иным устремлением, направил своего поверенного на остров Эспаньола к отцам-иеронимитам, которые в ту пору правили Индиями.

После смерти короля Фердинанда в 1516 г. регентом при еще несовершеннолетнем короле Карле I стал кардинал Франсиско Хименес де Сиснерос. Годом раньше он получил с острова Эспаньола от доминиканцев фрая Монтесиноса и Лас Касаса пространную жалобу на злоупотребления конкистадоров и колониальных властей в отношении индейцев, число которых в испанских колониях Нового Света катастрофически сокращалось. Под впечатлением от этого документа, кардинал решил изменить систему управления в колониях и в сентябре 1516 г. назначил губернаторами Индий трех монахов из ордена иеронимитов⁴. Им было поручено изучить реальное положение дел в отношении индейского населения, подготовить меморандум и дать рекомендации, строго следить за выполнением Законов Бургоса, ограничить всевластие конкистадоров, искоренить коррупцию в колониальной администрации. Надо признать, иеронимиты сделали все, что было в их силах, хотя существенно ограничить своеволие конкистадоров не смогли. Они создали три десятка независимых индейских поселений-общин (вроде резерваций), где индейцы жили на самообеспечении, занимаясь меновой торговлей сельскохозяйственными продуктами.

² Правильно: Чампотон; сегодня — город на южном побережье Юкатана

³ На самом деле испанцы потеряли 50 человек убитыми, пятеро утонули, двое попали в плен. Для управления судами не хватало рук, поэтому один корабль пришлось сжечь, а на оставшемся конкистадоры кое-как добрались до Кубы. Кордова умер от ран через десять дней после возвращения.

⁴ Орден Св. Иеронима был создан в Испании в середине XIV в., утвержден папой Григорием XI в 1373 г.

У них он испросил от имени Ваших Величеств разрешение послать на ту землю корабли с целью выменивать у тамошних индейцев золото, жемчуг, драгоценные камни и прочее, уверяя при этом, что сослужит изрядную службу Вашим Величествам, благо со всех прибытков заплатит королевскую кинту⁵. Достопочтимые отцы-иеронимиты просимую лицензию ему выдали, поверив его словам, будто бы он исключительно за свой счет открыл ту землю и вызнал ее тайны, и решили, что это будет сообразно интересам Ваших Величеств; между тем они не ведали, что втайне от них Веласкес послал к королевскому двору некоего Гонсало де Гусмана с другой реляцией, в коей также заверял Ваши Величества, будто открыл эту землю на свои средства и намеревался за свой же счет завоевать ее, отчего и выпрашивал у вас всяких милостей, в том числе просил назначить его аделантадо и губернатором новооткрытой земли; но не станем более говорить об этом, благо Ваши Величества читали ту реляцию.

Аделантадо (от исп. *adelante* — вперед) — почетный титул, дававший конкистадору право самостоятельно организовывать экспедиции, не испрашивая на то разрешения властей. В Новом Свете этот титул обретал особый смысл, акцентирующий исследовательский характер деятельности аделантадо, которому дозволялось на свой страх и риск открывать новые земли или моря. Аделантадо также имел полномочия распределять среди конкистадоров земли и индейцев и назначать на посты мелких чиновников.

Как скоро достопочтимые отцы-иеронимиты выдали Диего де Веласкесу просимую лицензию, он спешно снарядил в путь две каравеллы и бригантину; и даже если бы Ваши Величества не облекли его своими милостями, он все равно воспользовался бы разрешением отцов-иеронимитов, чтобы снарядить экспедицию. Ее генерал-капитаном он поставил своего родственника по имени Хуан де Грихальва и отправил под его началом сто шестьдесят человек, жителей острова Фернандина, среди коих некоторые завербовались и в нашу экспедицию в ранге капитанов, дабы сослужить Вам добрую службу. Что же до экспедиции под началом Хуана де Грихальвы, то многие из нас пошли за ним, рискуя животом своим, при том, что все потребное мы брали из своего имущества и оплачивали за свой счет.

Кормчим экспедиции Грихальвы был назначен все тот же Антон де Аламинос, который прокладывал путь кораблям Франсиско Фернандеса де Кордовы; он взял тот же курс и на подходе к земле Юкатан в тридцати лигах к югу от нее открыл маленький остров под названием Косумель; там испанцы произвели высадку у индейского селения, окрестив его именем Сан-Хуан-де-Порта-Латина, а остров переименовали в Санта-Крус. Когда они высадились, навстречу им с миром вышли полтора-два туземца, а ночью индейцы покинули селение и попрятались в лесистых горах; и тогда Грихальва, торопившийся пополнить запасы воды, не стал задерживаться на острове и на следующий день отплыл, не разведав, что это за земля такая и какие тайны

⁵ Пятая часть всей добычи, которую конкистадоры обязывались сдавать в казну.

скрывает она, чего он не должен был делать, ежели бы озаботился тем, чтобы послать Вашим Величествам правдивую реляцию о том острове.

В текстах конкистадоров встречается формула «разведать тайны земли» (*saber los secretos de la tierra*), и особенно часто она встречается в письмах-реляциях Кортеса. Это словосочетание вовсе не обязательно обозначает золотые города и невиданные богатства, хотя, безусловно, оно включает в себя эти химеры. Тексты конкистадоров ясно показывают, что речь идет о географическом строении неведомого пространства и о его обитателях. Но «тайна» от этого не становится менее притягательна; таким образом, конкистадора влечет само непознанное пространство [6, с. 78-79]. Оно порождает в душе первопроходца острое любопытство, неутолимую жажду нового, первопроходческую страсть. Эти черты редко отмечались историками, а между тем именно они во многом определяют своеобразие духовного облика конкистадора. В совокупности они составляют особый психологический комплекс, сформированный на землях Америки и порожденный именно американским пространством. Ощущение первопроходца — одна из самых сильных человеческих эмоций. Но если сейчас испытать такое дано лишь единицам, то в XVI в. это было коллективным, массовым переживанием. Никогда еще в истории человечества перед людьми не распахивалась такая ширь неведомого земного пространства. Понсе де Леон, незадачливый искатель источника вечной молодости, произнес во Флориде слова, которые с чистым сердцем повторили бы все конкистадоры: «Благодарю тебя, Господи, за то, что позволяешь мне созерцать нечто новое» [7, р. 252]. Емучителен Берналь: «Мы таковы, что все хотим вызнать да прознать» [4, р. 300].

Итак, он поднял паруса и, следуя тем же курсом, достиг земли Юкатан, открытой Франсиско Фернандесом де Кордова, где намеревался заняться меновой торговлей. Он пошел вдоль южного берега на запад, пока не достиг залива, коему Антон де Аламинос дал имя залива Вознесения, а залив тот, по мнению многих кормчих, находится неподалеку от мыса Верас, открытого Висенте Яньесом⁶, и является частью огромного залива Северного моря. Там Грихальва развернул корабли, двинулся вдоль побережья и достиг селения Кампоче, где побывал Франсиско Фернандес де Кордова.

Здесь Грихальва произвел высадку, чтобы пополнить запасы воды, нужда в коей ощущалась все сильнее, а кроме того, он стремился выполнить наказ Диего Веласкеса и намеревался у индейцев золота. К испанцам вышли туземцы той земли под водительством касика, ранее названного Ласаро, и изготовились к бою, показывая, что не допустят испанцев в свое селение; тогда Грихальва подозвал толмача, к ним приблизились несколько туземцев, и он постарался изъяснить им, что не имеет иных намерений, кроме как завестись водою да обменять, кому что приглянется; после чего в сопровождении индейцев испанцы направились к водоему близ селения и принялись набирать воду, и при этом через толмача Грихальва внушал туземцам, что хотел бы получить от них золото в обмен на вещи, какие им понравятся; однако у индейцев не имелось золота, и они сказали пришлецам убираться вон, на что Грихальва упрямился их позволить испанцам хотя бы завестись водою,

⁶ Висенте Яньес Пинсон, капитан одного из трех судов во время первого путешествия Колумба через океан, открыл Юкатан в экспедиции 1508 г.

заверяя, что потом они тотчас уйдут. Но эти обещания не возымели действия, ибо на следующий день в час утренней мессы индейцы, вооруженные луками, копьями и палицами, набросились на испанцев, одного человека убили и ранили капитана Грихальву и многих других, отчего Грихальва приказал грузиться на корабли и поднимать паруса, вот так он и бежал, даже не попытавшись войти в селение и не узнав ничего, о чем мог бы сообщить Вашим Величествам в правдивой реляции.

Кортес никак не может похвастаться тем, что открывал эти земли. Тем важнее для него утвердить себя в отношении предшественников в качестве «первопроходца», и здесь он применяет ловкий и убедительный ход. Он находит опору в базовой оппозиции сознания конкистадора: увиденное «взглядом глаз» (*por vista de los ojos*) и услышанное от кого-то — вещи неравноценные по отношению к «правде», которую конкистадор яростно защищает от вымыслов и искажений [см., например, 4, Сар. XVII] Кортес между строк как будто говорит: да, они (Кордова и Грихальва) открыли эти земли, но они же не предприняли усилий, чтобы узнать, что эти земли из себя представляют, кем они населены и т. п. Они довольствовались рассказами индейцев, и потому их открытия мало что значат. То ли дело Кортес, который все вызнал, все разведал и докладывает обо всем «со знанием дела» и увидев все «взглядом глаз»!

Оттуда он проследовал дальше вдоль береговой линии, пока не дошел до устья реки, каковой дал свое имя, и в час вечерней мессы поднялся насколько успел до темноты вверх по течению; а наутро по берегам реки стояли несметные рати вооруженных индейцев, готовых не допустить испанцев на свои земли, и сказывают, туземных воинов было тысяч пять; при таком повороте дел капитан не стал высаживаться на берег, а призвал толмачей и попросил, чтобы несколько индейцев подошли на каноэ к кораблям, дабы он смог изъяснить им, для чего сюда прибыл. Два десятка человек с оружием наготове приблизились на каноэ к кораблям, и капитан Грихальва чрез толмача дал им понять, что прибыл сюда только заниматься меновой торговлей и ничем иным, что хотел бы подружиться с ними и просил их принести золото, какое у них имеется, обещая дать взамен всякого рода ценные вещи. Туземцы уразумели его слова и на следующий день принесли сколько-то изящных поделок из золота, а взамен капитан дал им, что посчитал нужным, после чего индейцы вернулись в свое селение, а сказанный капитан на следующий день поднял паруса и вышел в море, так и не прознав тайн той земли.

Следуя дальше вдоль береговой линии, он достиг залива и назвал его именем Сан-Хуан; там он высадился на безлюдный песчаный берег, а вскоре местные туземцы, завидя корабли, вышли к морю. Грихальва приказал поставить на берегу стол и разложить на нем товары для обмена и чрез толмача изъяснил индейцам, что прибыл с миром и хотел бы выменять на эти вещи золото. Как скоро индейцы уразумели его, начали приносить одежды и золотые изделия в обмен на вещицы испанцев. Оттуда капитан Грихальва отослал каравеллу Диего Веласкесу со всеми ценностями, какие он выменял, а с оставшимися кораблями двинулся дальше вдоль берега и так прошел сорок пять лиг, не сделав ни единой высадки и не увидев ничего, кроме того, что

было видно с воды, а с борта корабля не мог он увидеть что-либо достойное рассказа; а затем он лег на обратный курс и вернулся на остров Фернандина. Он не вызнал тайн тех земель и писал, что в голову взбредет, вот почему Вашим Величествам не следует верить реляциям о тех землях.

Корабль, ранее отосланный Грихальвой из залива Сан-Хуан, благополучно дошел до острова Фернандина, однако Веласкес остался недоволен привезенной добычей, особенно, когда из писем Грихальвы и со слов вернувшихся узнал, сколько товару было отдано за это ничтожное количество золота; он во всеуслышание заявил, что добыча нисколько не окупила затраты на снаряжение армады и всячески хулил Грихальву за его нерасторопность. На самом же деле понапрасну сетовал сказанный Диего Веласкес, ибо он сам возместил затраты на снаряжение той экспедиции тем, что впоследствии втридорога продал нам несколько бочек вина, сундуков, рубах и прочих вещей, а вино продавал он по четыре золотых песо за арробу⁷, что составило две тысячи мараведи, а рубахи он продавал по два песо за штуку, и горсть чечевицы по два песо, и таковым образом он не только возместил свои расходы, но и остался в прибыли; и мы заостряем на этом внимание Ваших Величеств, дабы вы знали, что Диего Веласкес снаряжал свои корабли в немалой степени на наши деньги, продавая нам все потребное, но мы не жалели ни средств, ни трудов, чтобы вослужить Вашим королевским Величествам, и будем служить вам, доколе будем живы.

Конкистадор одной ногой еще стоял в средневековье, и концепт вассальского, рыцарского служения господину был для него отнюдь не пустым звуком. Однако в Новом Свете в эпоху Конкисты понятие вассальского служения претерпело значительные изменения — как по форме, так и по содержанию. Конкистадор служит не феодалу, а только королю, который олицетворяет всю испанскую нацию. При том вассальское служение королю предстает в самом широком спектре и сопряжено со всей деятельностью конкистадора — от «вхождения в глубь земли» и открытия до заселения и написания реляции [8].

Сколь невозможно для конкистадора говорить о своей воинской доблести столь же в порядке вещей хвалиться своим необыкновенным усердием и рвением на службе королю. Эти заверения представляют собой странную смесь крайнего самоуничтожения и безудержного бахвальства, чуть ли не вызывающего характера, но это нисколько не смущает авторов. Они действительно сознавали беспрецедентный в истории человечества масштаб своего «служения», ибо приносили в дар королю тонны драгоценных металлов и территории, во много раз превышающие размером Испанию. Так, Кортес послал в подарок императору кулеврину, отлитую из серебра и весившую более тонны, на которой приказал выгравировать изображение птицы Феникс и строки собственного сочинения: *Aquesta nació sin par / Yo en servicios sin segundo / vos sin igual en el mundo* («Эта птица не имеет себе равных, как не найдется подобного мне в служении Вам, как нет равного Вам в мире») [9, р. 78-79].

Итак, сказанный Диего Веласкес, весьма раздосадованный малым количеством золота, что прислал Грихальва, возжелал получить больше, и тогда

⁷ Арроба кастильская — 11, 5 кг.

он, ничего не сообщив отцам-иеронимитам, задумал быстро направить на поиски своего родственника другую армаду; а чтобы уменьшить свои траты, он столкнулся с алькальдом города Сантьяго Фернандо Кортесом, о ту пору самым богатым жителем острова Фернандина, и предложил ему снарядить на двоих восемь или десять кораблей, полагая, что за Кортесом людей пойдет больше, чем за кем иным; Кортес же, движимый горячим желанием послужить Вашим Величествам, изъявил готовность потратить все свое достояние на снаряжение кораблей и закупку провизии и амуниции, и таким образом две трети затрат он взял на свой счет; мало того, он ссужал деньгами тех, кто не мог обеспечить себя всем потребным для экспедиции. Капитаном армады Веласкес назначил Фернандо Кортеса, предписав ему направиться в те земли, дабы он наменял как можно больше золота и сделал то, чего не смог выполнить Грихальва; себя же Веласкес объявил генерал-капитаном экспедиции, хотя она была оплачена лишь на треть за его счет. О назначении Фернандо Кортеса капитаном экспедиции Ваши Величества смогут убедиться из инструкций, данных ему Диего Веласкесом, кои мы прилагаем к этому письму и отправляем вам с нашими посланниками. И пусть будет ведомо Вашим Величествам, что упомянутую треть расходов на оснащение экспедиции Диего Веласкес с лихвою окупил, продав нам вино, одежду и прочие потребные вещи по ценам, намного превышавшим их стоимость, так что неплохо он нажился на своих соотечественниках, вассалах Ваших Величеств.

Под командованием Фернандо Кортеса находилось десять судов, четырехста воинов, многие из коих были идалго и кабальеро, и шестнадцать всадников. Первая земля, какая им встретилась на пути, был остров Косумель, ныне прозываемый Санта-Крус. Испанцы произвели высадку в гавани Сан-Хуан-де-Порта-Латина и обнаружили тамошнее индейское селение столь безлюдным, как будто бы там никогда не ступала нога человеческая. Сказанный капитан Фернандо Кортес задался целью прознать, по какой причине жители бежали; и тогда он приказал своим людям разместиться в селении. Вскорости удалось захватить в море каноэ с тремя индейцами, которые направлялись к острову Юкатан, и от них Фернандо Кортес узнал, что касики острова Косумель, завидев армаду и не зная намерений испанцев, из боязни сочли за лучшее вместе со всеми жителями укрыться в горах. Фернандо Кортес посредством толмачей изъяснил захваченным индейцам, что он не намерен причинять им зла и в чем-либо притеснять их, и прибыл сюда для того, чтобы просветить здешние народы в святой католической вере и призвать их присягнуть на верность Вашим Величествам и стать вашими вассалами, как уже поступили все жители земель, заселенных испанцами. Когда индейцы уразумели то, что им внушал сказанный капитан, они избавились от страха и выразили готовность направиться вглубь земли к укрывшимся касикам. Тогда капитан вручил им грамоты для касиков, в коих заверял, что не причинит им вреда, ежели они выйдут с миром, и дал посланцам пять дней сроку, чтобы они вернулись с ответом.

Минули три или четыре дня из отведенных пяти, а посланцы так и не возвратились; и тогда, радея о том, чтобы не обезлюдел тот остров, Фернандо Кортес послал двух капитанов, каждого во главе сотни человек, в разные концы острова с предписанием переговорить с касиками, какие им

встретятся по пути, употребить весь дар убеждения и передать им, что он ожидает их в гавани Сан-Хуан, чтобы поговорить с ними от имени Ваших Величеств, и клятвенно обещает не чинить ущерба ни жизням их, ни имуществу, и умоляет их внять доводам его посланников и не отдаляться дальше того, куда они удалились.

Разумная деятельность конкистадора, его личный интерес, совпадающий с государственным, а значит, и его служение направлены на овладение землей, какими бы методами оно ни велось. Приобретение земли подразумевает два неперемennых условия: заселение и мир с индейцами (разумеется, мир испанского образца, когда индеец признает себя вассалом испанского короля и станет трудиться на испанца). Война на уничтожение делает бессмысленным само присутствие испанцев на землях Нового Света. В этом состоит принципиальное отличие испанской колонизации Нового Света от последующей английской. Если английским пуританам нужна очищенная от индейцев земля, чтобы возводить на ней свой «град на горе» [10, 27-37], испанцев более всего страшит безлюдная земля (*despoblado*). В сознании конкистадоров «добрая» земля — это прежде всего земля заселенная, и чем гуще она заселена, тем больше ценится. Кортес это очень ясно понимает и всегда в качестве гарантии мира выдвигает неперемennое условие индейцам: они должны вернуться в свои селения и жить, как прежде, какие бы обиды и потери от испанцев ни понесли.

Капитаны направились, куда им было приказано, и, возвратившись через четыре дня, сообщили, что все селения, какие им встретились по пути, находятся под управлением главного касика, который является властелином острова, и он по просьбе капитанов явился к Фернандо Кортесу узнать, чего хотят от него чужеземцы. Последний сказал ему с помощью толмача, что у испанцев нет умысла причинять зло местным жителям, и прибыли они сюда с единственной целью приобщить их к нашей святой вере; а еще он сообщил главному касику, что нами правят самые могущественные короли в мире и что он, капитан армады, желает лишь одного: чтобы касики повиновались Вашим Величествам, и буде так они поступят, то с выгодой для себя, ибо окажутся под защитой испанцев, и никто их больше ни в чем не притеснит. Властитель выразил готовность поступить таковым образом и через посланцев своих созвал всех касиков острова; они явились, выслушали Фернандо Кортеса и остались премного довольны его речами; и до такой степени они доверились ему, что уже через несколько дней все селения острова были полны народом, как раньше, и туземцы с таким спокойствием находились среди испанцев, как будто бы давно жили с ними бок о бок.

Еще на острове Фернандина капитан узнал, что уже семь лет на Юкатане живут в плену несколько испанцев; они находились на каравелле, которая шла с Твердой Земли и потерпела кораблекрушение у берегов Ямайки, им удалось на шлюпке добраться до берега, где они попали во власть местных туземцев.

Эта история восходит к 1512 г., когда самозванный губернатор Золотой Кастилии (Панамского перешейка), будущий первооткрыватель Тихого океана Васко Нуньес де Бальбоа, решил уластить колониальные власти и короля и направить на Эспаньолу, а затем в Испанию посланников вместе с полновесной королевской кинтой в

15 тыс. песо золотом. Посланцам дали самый крепкий корабль и 13 января торжественно проводили в путь. Не надо было, наверное, назначать отплытие на несчастливое число. О судьбе того корабля стало известно лишь семь лет спустя. Судно потерпело крушение у берегов Ямайки; экипаж набился в шлюпку, которую тринадцать дней носили ветер и волны, пока не прибили к берегам полуострова Юкатан. За это время восемь человек умерли от голода и жажды. Оставшиеся в живых попали в плен к индейцам-мая; трое тут же были принесены в жертву; семерым удалось бежать. Из них выжили только двое: фрай Херонимо де Агиляр и Гонсало Герреро.

Фернандо Кортес очень хотел раздобыть сведения об этих испанцах, когда же индейцы острова Санта-Крус сообщили, что испанцы эти живы и указали землю, в коей они пребывают, капитан решил, что сослужит добрую службу Господу и Вашим Величествам, ежели вызволит их из плена, и вознамерился немедленно двинуться всей флотилией к той земле, дабы освободить их⁸. Но кормчие этому решительно воспрепятствовали, сказав, что тем самым он загубит флот и людей, поскольку берег там очень опасный (*muu brava*), и нет там ни гавани, ни бухты, где могли бы укрыться корабли, и Фернандо Кортес вынужден был внять их доводам. Тогда он направил в каноэ несколько индейцев, знавших, у какого касика испанцы пребывают, и наказал им передать христианам письмо, в коем объяснил, почему не может самолично прибыть к ним со всею армадою, и просил их изыскать способ сбежать на каноэ и дойти до острова Санта-Крус, где обещал дожидаться их. Он напрасно выжидал три дня и решил, что индейцы не выполнили как должно его наказ; и тогда он послал к тому побережью на трех бригантинах сорок человек, дабы они разыскали пленных испанцев, и вместе с ними отрядил трех индейцев, вручив им письмо и предписав высадиться, разыскать пленных испанцев и передать им послание. Как было предписано капитаном, испанцы подошли к побережью, высадили индейцев и отправили их на поиски пленников; сами же выжидали на кораблях, подвергая себя смертельной опасности в бурном море у берега, где негде было укрыться, как о том предупреждали кормчие. Шесть дней они ждали пленных испанцев и посланных индейцев, но ни те, ни другие так и не появились, и тогда они вернулись на остров Санта-Крус, где ожидал вестей от них капитан Фернандо Кортес.

Получив дурные вести, капитан премного огорчился и решил на следующий же день грузиться на корабли и направиться к тому побережью, пусть даже с риском для флотилии — до такой степени он желал вызволить соотечественников из плена; а вдобавок к тому он хотел проверить, правду ли говорил Хуан де Грихальва, когда утверждал, что молва о пленных испанцах — всего лишь пустопорожние слухи (*burla*), что весь экипаж той каравеллы погиб, и никому не удалось добраться до берега. Итак, капитан приказал всем грузиться на корабли, на берегу оставались лишь он сам и два

⁸ Его настойчивое стремление разыскать их диктовалось не столько заботой о судьбе соотечественников, сколько потребностью раздобыть полноценных толмачей вместо косноязычного Мельчорео, который еще с трудом понимал испанский и тем более не мог толком складывать слова.

десятка испанцев; между тем погода в тот день стояла превосходная, казалось бы, все споспешествовало отплытию; и вдруг налетел порывистый ветер с ливнями, противный нужному курсу, и настолько сильный, что кормчие отсоветовали капитану отходить по такой неблагоприятной погоде. Капитан внял их мнению и приказал всем высаживаться на берег. А на следующий день, в полдень, испанцы завидели каноэ с парусом, направлявшееся к острову, и в том каноэ оказался один из пленных испанцев по имени Херонимо де Агиляр, который рассказал нам, как он спасся при кораблекрушении и попал в плен к туземцам, о чем доложено Вашим Величествам в другой реляции. Не иначе как сам Господь, без соизволения коего ничего на свете не происходит, наслал ту бурю во благо испанцев, дабы пленник воссоединился с соотечественниками. Сказанный Херонимо де Агиляр сообщил нам о других испанцах, спасшихся в том кораблекрушении, однако, по его словам, судьба рассеяла их по всей земле, и посему нет никакой возможности разыскать их всех... (сверить, пропуск).

Речь идет о Гонсало Герреро. Это был второй испанец, оставшийся в живых после того, как судьба забросила христиан, потерпевших кораблекрушение, на земли индейцев майя. Если клирик Франсиско де Агиляр, вызволенный Кортесом, вел жалкую жизнь раба, то Герреро совсем иначе выстроил свою жизнь. Он явил собой яркий пример того, что в антропологии называется «обратной ассимиляцией»: это когда человек принимает обычаи народа, стоящего на более низком уровне цивилизованности и отвергает свою прежнюю культуру. Герреро со временем овладел языком майя, сумел втереться в доверие к правителю города-государства Четумаль и настолько, что тот поставил его главнокомандующим армии и выдал за него свою дочь. По-видимому, именно Герреро присоветовал жителям Чампотона устроить «пышную встречу» экспедиции Кордовы, а позже он причинил огромное множество неприятностей испанцам, когда Франсиско де Монтехо взялся завоевывать полуостров Юкатан. [11, 304-314].

Армада оставила остров Косумель, ныне называемый Санта-Крус, настолько замиренным, что, если бы испанцы решили основать здесь поселение, индейцы с готовностью стали бы им прислуживать; а касики сего острова остались премного довольны тем, как обращался с ними капитан Фернандо Кортес и как он представил им ваши королевские высочества; и я несколько не сомневаюсь⁹, что испанцы, оказавшиеся здесь, будут приняты местными туземцами столь же доброжелательно, как на землях, давно покоренных и заселенных. Сей остров небольшого размера, здесь нет ни реки, ни ручья, и вся пресная вода добывается из колодцев; туземцы занимаются пчеловодством, и наши посланники доставили Вашим Величествам образцы местного меда.

Знайτε также, Ваши Величества, что сказанный капитан Фернандо Кортес призвал тамошних касиков отвратиться от дурных обычаев, и касики попросили его дать им разумный закон, согласно коему они могли бы жить отныне и впредь, и капитан насколько мог толково

⁹ Вот та фраза, где автор письма проговорился, используя форму глагола от первого лица.

изъяснил им основы католической веры, и как им должно вести себя, чтобы стать добрыми христианами, после чего водрузил на самый высокий дом деревянный крест и дал им образок Богоматери Девы Марии; и они по доброй воле приняли его дары и наставления и остались очень довольны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Второе послание-реляция императору Карлу V, писанное в Сегура-де-ла-Фронтера 30 октября 1520 года (фрагмент). Хроники открытия Америки. Новая Испания. М., «Академический проект», 2000, 496 с. [Vtoroe poslanie-reljacija imperatoru Karlu V, pisannoe v Segura-de-la-Frontera 30 oktjabrja 1520 goda (fragment) [The second message-report to Emperor Charles V, written in Segura de la Frontera on October 30, 1520. (fragment)]. Hroniki otkrytija Ameriki. Novaja Ispanija. Moscow, «Akademicheskij projekt», 2000, 496 p. (In Russ.).
2. Luis Martínez J. Hernán Cortés. México, Fondo de Cultura Económico, 1990, 1015 p.
3. Педро Писарро. Хроника открытия и завоевания Перу. / Кофман А.Ф. Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки. СПб., «Симпозиум», 2009, 607 с. [Pedro Pizarro. Hronika otkrytija i zavoevanija Peru / Kofman A.F. Konkistadory. Tri hroniki zavoevanija Ameriki. [Pedro Pizarro. Chronicle of the discovery and conquest of Peru. — Kofman A.F. Conquistadors. Three Chronicles of the Conquest of America]. Saint Petersburg, «Simpozium», 2009, 607 p. (In Russ.).
4. Díaz del Castillo Bernal. Historia verdadera de la conquista de Nueva España. Barcelona, Ed. Sopena, 1975, 815 p.
5. Recopilación de leyes de los reynos de Indias. Madrid, 1943, Vol 1, 783 p.
6. Кофман А.Ф. Испанский конкистадор: от текста к реконструкции типа личности. М., ИМЛИ РАН, 2012, 304 с. [Kofman A.F. Ispanskij konkistador: ot teksta k rekonstrukcii tipa lichnosti [Spanish conquistador: from text to reconstruction of personality type]. Moscow, IMLI RAN, 2012, 304 p. (In Russ.).
7. Blanco Fombona R. El conquistador español del siglo XVI. Madrid, 1922.
8. Crespo Cuesta E.D. Continuidades medievales en la conquista de América. Pamplona, 2010.
9. Cortés Hernando. Cartas de relación de la conquista de México. México, Editora nacional, 1971, 317 p.
10. Стеценко Е.А. История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII - XIX вв.) М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 1999, 312 с. [Stetsenko E.A. Istorija napisannaja v puti... (Zapiski i knigi puteshestvij v amerikanskoj literature XVII - XIX vv.) [History Written on the Road... (Notes and Travel Books in American Literature of the 17th - 19th Centuries)]. Moscow, IMLI RAN, «Nasledie», 1999, 312 p. (In Russ.).
11. Кофман А.Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб. "Крига", 2017, 1032 с. [Kofman A.F. Pod pokrovitel'stvom Sant'jago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sud'by znamenityh konkistadorov [Under the auspices of Santiago. The Spanish conquest of America and the destinies of the famous conquistadors]. Saint Petersburg, "Kriga", 2017, 1032 p. (In Russ.).

Окончание следует

Andrey F.Kofman (andrey.kofman@gmail.com)

DSc in Philology, deputy director of the A.M.Gorky Institute of World Literature and the head of the Department of Modern European and American Literature of the A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Povarskaya Str., 25 a, 121069 Moscow, Russian Federation

Hernan Cortes. The first relation letter to the Emperor. The Spaniards in the island of Cozumel. Commented translation

Abstract. The first publication in Russian of the first letter of Hernan Cortes to Emperor Charles V with an introduction, comments and notes by the translator. Published in two articles. The introduction outlines the special situation in the creation of this letter. The formal captain-general of the expedition to Mexico, the governor of Cuba, Diego Velazquez, decided at the last moment to replace the commander-in-chief; Cortes, appointed by him earlier, refused to obey the order and arbitrarily left Cuba at the head of the expedition, thereby placing himself outside the law. These circumstances determined the genre specifics of the letter: it was created in the form of a collective report on the initial stage of the expedition and a request to approve Cortes as captain general - this was the decision made democratically by soldiers and captains. The specificity of the genre allows Cortes to present himself in the most favorable light, downplay the merits of his predecessor, Juan de Grijalva, who discovered Mexico, and denigrate Velazquez in every possible way. The fragment of the letter published in the first article tells about previous expeditions to the Gulf of Mexico and describes the stay of the Spaniards on about the island Cozumel, where they managed to get an interpreter, a Spaniard who spent several years captives in the Yucatan and mastered the Mayan language.

Key words: Fernando Cortes, Diego Velazquez, Grijalva, Yucatan, Cozumel.

DOI: 10.31857/S0044748X0018838-0

Received 24.11.2021.